

ECONOMIC
ORIGINS
of DICTATORSHIP
and DEMOCRACY

DARON ACEMOGLU
JAMES A. ROBINSON

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	11
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ	
I. ПУТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	19
1. Великобритания	20
2. Аргентина	23
3. Сингапур.....	27
4. Южная Африка	30
5. Повестка дня.....	35
II. НАША АРГУМЕНТАЦИЯ.....	36
1. Демократия против недемократии	37
2. Строительные блоки нашего подхода	41
3. К нашему основному повествованию	45
4. Наша теория демократизации	47
5. Демократическая консолидация.....	55
6. Детерминанты демократии	56
7. Политические идентичности и природа конфликта	70
8. Демократия в графических изображениях	72
9. Обзор книги.....	75
III. ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ДЕМОКРАТИИ?.....	78
1. Измерение демократии	78
2. Закономерности демократии	81
3. Демократия, неравенство и перераспределение.....	89
4. Кризисы и демократия	96
5. Общественные волнения и демократизация	98
6. Литература.....	108
7. Наш вклад.....	115
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ	
IV. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА	127
1. Введение.....	127
2. Агрегирование индивидуальных предпочтений	129
3. Однопиковые предпочтения и теорема о медианном избирателе	131
4. Наши модели — рабочие лошадки	140
5. Демократия и политическое равенство	158
6. Заключение	162
V. НЕДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА	164
1. Введение.....	164
2. Власть и ограничения в недемократической политике.....	166

3. Моделирование предпочтений и ограничений в недемократиях ...	177
4. Проблемы обязательств	182
5. Простая игра обещаний.....	197
6. Динамическая модель.....	205
7. Обещания, совместимые со стимулами	217
8. Заключение	228

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. СОЗДАНИЕ И КОНСОЛИДАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ

VI. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ.....	233
1. Введение.....	233
2. Роль политических институтов	233
3. Предпочтения относительно политических институтов	237
4. Политическая власть и институты.....	238
5. Статическая модель демократизации.....	243
6. Демократизация или репрессии?.....	249
7. Динамическая модель демократизации	258
8. Совершенные на подыграх равновесия	268
9. Альтернативные политические идентичности	271
10. Целевые трансферы.....	275
11. Власть элит в демократии	276
12. Идеологические предпочтения в отношении режимов.....	281
13. Демократизация в графическом изображении.....	283
14. Равновесные революции	286
15. Заключение	288
VII. ПЕРЕВОРОТЫ И КОНСОЛИДАЦИЯ.....	292
1. Введение.....	292
2. Стимулы для переворотов	295
3. Статическая модель переворотов.....	297
4. Динамическая модель создания и консолидации демократии	304
5. Альтернативные политические идентичности	322
6. Целевые трансферы.....	323
7. Власть в демократии и перевороты	324
8. Консолидация в графическом изображении	327
9. Оборонительные перевороты.....	328
10. Заключение	331

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КАК РАБОТАЮТ МОДЕЛИ

VIII. РОЛЬ СРЕДНЕГО КЛАССА.....	335
1. Введение.....	335
2. Трехклассовая модель	339
3. Возникновение частичной демократии.....	343
4. От частичной демократии к полной	349
5. Репрессии: средний класс как буфер	358
6. Репрессии: сторонники мягкой линии против сторонников жесткой линии	363
7. Роль среднего класса в консолидации демократии	368
8. Заключение	371

IX. СТРУКТУРА ЭКОНОМИКИ И ДЕМОКРАТИЯ.....	373
1. Введение.....	373
2. Структура экономики и распределение доходов.....	377
3. Политический конфликт.....	379
4. Капитал, земля и переход к демократии.....	380
5. Издержки переворота для капитала и земли.....	384
6. Капитал, земля и бремя демократии.....	389
7. Конфликт между землевладельцами и промышленниками.....	398
8. Промышленники, землевладельцы и демократия на практике.....	403
9. Экономические институты.....	404
10. Человеческий капитал.....	409
11. Предположения относительно политического развития.....	410
12. Заключение.....	412
X. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ.....	414
1. Введение.....	414
2. Модель открытой экономики.....	419
3. Политический конфликт — демократическая консолидация.....	426
4. Политический конфликт — переход к демократии.....	430
5. Финансовая интеграция.....	434
6. Возросшая политическая интеграция.....	440
7. Альтернативные допущения о природе международной торговли.....	442
8. Заключение.....	445
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ВЫВОДЫ И БУДУЩЕЕ ДЕМОКРАТИИ	
XI. ВЫВОДЫ И БУДУЩЕЕ ДЕМОКРАТИИ.....	449
1. Возвращаясь к путям политического развития.....	449
2. Продолжение и области будущих исследований.....	456
3. Будущее демократии.....	460
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ПРИЛОЖЕНИЕ	
XII. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ В ДЕМОКРАТИИ (ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ IV).....	467
1. Введение.....	467
2. Модели вероятностного голосования.....	467
3. Лоббирование.....	474
4. Партийная политика и политический захват.....	481
БИБЛИОГРАФИЯ.....	490

Памяти моих родителей, Кеворка и Ирмы,
которые вложили в меня столь много.
Моей любимой Асу,
моей всегдашней вдохновительнице и помощнице.

Дарон Асемоглу

Памяти моей матери, от которой
я унаследовал страсть к книгам
и возмущение несправедливостями
этой жизни.

Памяти моего отца, от которого
я унаследовал восхищение наукой
и любопытство к этому удивительному миру.

Джеймс А. Робинсон

ПРЕДИСЛОВИЕ

Фундаментальной проблемой для политической науки и политической экономики является то, какие факторы обуславливают институты коллективного принятия решений (т.е. «политические институты»). При решении этого вопроса естественно начальное разграничение на демократические и недемократические институты. Почему некоторые страны являются демократиями, где имеют место регулярные и свободные выборы и политики подотчетны гражданам, а другие страны — нет?

Есть несколько ярких эмпирических образцов и проблем, связанных с ответом на этот вопрос. Например, почему, в то время как Соединенные Штаты очень рано перешли ко всеобщему избирательному праву для мужчин, которое было достигнуто к началу 1820-х годов северными и западными штатами и к концу 1840-х — всеми штатами, этот образец не был всеобщим для Америк. В других странах республиканские институты и регулярные выборы были нормой после получения независимости от колониальных держав (от Испании и Португалии), но ограничения избирательного права и коррупция на выборах имели намного большее значение. Первыми латиноамериканскими странами, которые ввели всеобщие, относительно некоррупцированные выборы для мужчин, были Аргентина и Уругвай в 1912 и 1919 г. соответственно, но другие, такие как Сальвадор и Парагвай, сделали это только в 1990-х — спустя почти полтора столетия после Соединенных Штатов.

Имеются не только большие вариации во времени демократизации, но и значительные качественные различия в форме этого политического процесса. Демократия была создана, по крайней мере для белых мужчин, со сравнительно небольшими конфликтами в Соединенных Штатах и некоторых латиноамериканских странах, например в Коста Рике. Однако в других странах демократия часто встречала сильное сопротивление, и политические элиты вместо демократизации прибегали к массовым репрессиям, чтобы не делиться политической властью. В одних случаях, например в Сальвадоре, элиты в конце концов отказывались от репрессий и признавали демократию. В других, как на Кубе и в Никарагуа, элиты сопротивлялись вплоть до мучительного конца и были сметены революциями.

Будучи однажды созданной, демократия не обязательно консолидируется. Хотя Соединенные Штаты постепенно двигались к демократии без шагов вспять, так же как и многие западноевропейские государства, такие как Великобритания или Швеция, в других странах демократия становилась жертвой переворотов. Аргентина, возможно, является са-

мым крайним примером этого: ее политический режим менялся с демократического на недемократический и обратно большую часть XX в.

Что обуславливает демократию в стране? Какие факторы могут объяснить наблюдаемые нами образцы демократизации? Почему Соединенные Штаты достигли всеобщего избирательного права для мужчин более чем за век до многих стран Латинской Америки? Почему, будучи однажды созданной, демократия сохраняется и консолидируется в одних странах (Великобритания, Швеция и Соединенные Штаты) и терпит крах в других (Аргентина, Бразилия и Чили)?

В этой книге мы предлагаем концептуальную структуру для анализа создания и консолидации демократии, которую мы применяем в своих попытках дать предварительные ответы на некоторые из этих вопросов.

Эта структура строится на трех фундаментальных основаниях:

1. Наш подход является «экономическим», в том смысле, что мы подчеркиваем значимость индивидуальных экономических стимулов как детерминант политических установок и исходим из допущения, что люди ведут себя стратегически в известном смысле по теории игр.
2. Мы делаем упор на фундаментальную важность конфликта. Различные группы, иногда общественные классы, имеют противоположные интересы относительно результатов политики, и они транслируются в противоположные интересы относительно формы политических институтов, определяющих результаты политики.
3. Политические институты играют главную роль в решении проблем обязательств, влияя на будущее распределение политической власти де-юре.

Чтобы наглядно проиллюстрировать наш подход, представим себе общество, состоящее из двух групп: элиты и граждан. Недемократия — это правление элиты; демократия — это правление более многочисленных групп, составляющих большинство, в данном случае граждан. В недемократии элита получает ту политику, которую хочет; в демократии гражданам имеют больше власти, чтобы получить то, что они хотят. Поскольку при демократии элита теряет, она, естественно, имеет стимул противостоять демократии или подрывать ее. И тем не менее большинство демократий возникает тогда, когда они создаются элитами.

Почему недемократическая элита осуществляет демократизацию? Раз демократия приносит сдвиг власти в пользу граждан, зачем же элите создавать такой комплекс институтов? Мы утверждаем, что это проис-

ходит только потому, что лишенные права голоса граждане могут угрожать элите и заставлять ее идти на уступки. Эти угрозы могут принимать форму забастовок, демонстраций, бунтов и — в предельном случае — революции. Так как эти действия стоят ей определенных затрат, элита будет пытаться предотвратить их. Она может делать это путем уступок или применяя репрессии для прекращения волнений и революции, или отдавая политическую власть и проводя демократизацию. При этом репрессии часто настолько дорогостоящи, что не являются привлекательным выбором для элиты. Уступки могут принимать разные формы, в особенности форму политических мер, предпочтительных для граждан, таких как перераспределение имущества или доходов, и, скорее всего, будут менее затратными для элиты, чем допущение демократии.

Основной фактор возникновения демократии заключен в таком наблюдаемом положении дел: поскольку уступки сохраняют политическую власть в руках элиты, то нет никаких гарантий, что она не откажется от своих обещаний. Представим себе, что имеет место относительно временная ситуация, в которой для граждан выгодно оспаривать власть. Такая ситуация может сложиться вследствие войн или экономических шоков, таких как неурожай, торговый крах или депрессия. Если репрессии слишком дорогостоящи, элита предпочтет купить граждан обещаниями уступок в области мер государственной политики, например в перераспределении доходов. Однако по самой своей природе такое окно возможностей для влияния на власть преходяще и исчезнет в будущем, и для элиты будет относительно нетрудно отказаться от сделанных обещаний. Предвидя это, граждане могут не удовлетвориться обещанием уступок при сохранении неизменных политических институтов и предпочесть восстание.

В рамках нашей модели ключевая проблема состоит в том, что обладающие политической властью могут гарантировать свою приверженность этим мерам в будущем, только если ограничат свою политическую власть. Тогда демократия возникает как вызывающая доверие приверженность мерам в пользу граждан (например, высокому налогообложению) благодаря перемещению политической власти между группами (от элиты к гражданам). Демократизация — это более убедительное обязательство, чем простые обещания, так как она связана с рядом институтов, большим участием граждан и, следовательно, труднее обратима. Элита должна осуществить демократизацию — создать убедительную приверженность мажоритарной политике в будущем, если желает избежать для себя более радикальных последствий.

Логика в основе антидемократических переворотов аналогична той, что лежит в основе демократизации. При демократии группы меньшинств (например, различные виды элиты) могут иметь стимул органи-

зовать переворот и создать более предпочтительные для них институты. Но если есть угроза переворота, почему нельзя защитить демократию, предложив уступки? Демократы, конечно, попытаются это сделать, но проблема убедительности опять является главной. Если угроза переворота преходяща, то обещания сделать политику менее мажоритарной могут не вызывать доверия. Единственный путь убедительным образом изменить политику — это изменить распределение политической власти, и это может быть достигнуто только через институциональное изменение, т.е. через переворот или, в более общем плане, через переход к менее демократическому режиму.

Главный вклад этой книги — предложение единой концептуальной структуры для понимания того, как возникает и укрепляется демократия. Эта структура, в частности, выявляет, почему изменения в политических институтах фундаментально отличаются от политики уступок в контексте недемократического режима. Важный побочный продукт этой модели — довольно богатый набор предполагаемых обстоятельств, при которых возникает и сохраняется демократия. В нашей структуре утверждается, что демократия с бóльшей вероятностью будет создана

- когда имеются значительные общественные волнения при недемократическом режиме, которые нельзя загасить при помощи ограниченных уступок и обещаний политики в пользу граждан. Так это или нет, в свою очередь, зависит от условий жизни граждан при недемократии, силы гражданского общества, природы проблемы коллективного действия, встающей перед гражданами в недемократии, и конкретных особенностей недемократических политических институтов, определяющих то, какие виды обещаний со стороны элиты могут вызывать доверие;
- когда ожидаемые элитой издержки демократии ограничены, так что элита не испытывает искушение применить репрессии в ответ на недовольство граждан при недемократическом режиме. (Эти издержки могут быть велики, когда неравенство высоко, когда собственность элиты может быть легко обложена налогом или перераспределена, когда элита много теряет от изменения экономических институтов и когда невозможно манипулировать формой нарождающихся демократических институтов, для того чтобы ограничить враждебность демократии интересам элиты.)

Аналогичным образом эти факторы влияют и на шансы выживания вновь созданной демократии. Например, большее неравенство, бóльшая

значимость земли и других легко облагаемых активов в структуре владений элиты и отсутствие демократических институтов, могущих избежать крайних популистских мер, с большей вероятностью дестабилизируют демократию.

Кроме этих, относительно статичных, результатов, мы надеемся, что представляемая здесь концептуальная структура достаточно богата и вариабельна для того, чтобы другие могли использовать ее части для анализа новых проблем и генерации иной сравнительной статистики демократии и других политических институтов.

Темы, к которым мы обращаемся в этой книге, находятся в самом сердце политической науки, особенно сравнительной политики и политической экономии. Тем не менее вопросы, которые мы ставим, редко пытаются решать, применяя тип формальных моделей, используемый в этой книге. Мы полагаем, что разработка предлагаемых нами способов анализа даст огромную отдачу, и для этого попытались сделать изложение простым и удобочитаемым, доступным исследователям и аспирантам-политологам. Чтобы сделать эту книгу как можно более самодостаточной, в главе IV мы представили те подходы к моделированию демократической политики, которые применяем в ее анализе. Хотя этот анализ представляет непосредственный интерес и в общем доступен для политологов, мы надеемся, что многие материалы окажутся полезными для продвинутых студентов, аспирантов и академических работников в области экономики, интересующихся политической экономией. И действительно, один из авторов использовал отдельные разделы этой книги в курсе экономики для аспирантов.

Главной предпосылкой для понимания всего содержания книги является знание базовых идей теории игр в объеме учебника Р. Гиббонса (1992). Тем не менее мы написали первые две главы с нематематическим изложением обсуждаемых в них вопросов и предлагаемых нами ответов с тем, чтобы они были доступны для всеобщего понимания.

* * *

Хотим выразить признательность многим коллегам, оказавшим нам помощь в процессе написания этой книги. За восьмилетний период работы мы провели много семинаров по всему миру по проблематике исследования — от Сингапура до Маврикия, от Осло до Буэнос-Айреса и Боготы. Многие исследователи вносили свои предложения и высказывали бесценные идеи и указания; приносим извинения за то, что не помним их всех. Однако мы хотели бы упомянуть нескольких ученых, чей неослабевающий энтузиазм по отношению к этому исследованию очень ободрял нас на его ранней стадии: Рут Коллир, Питер Линдерт,

Карл Ове Моене, Кеннет Соколофф и Майкл Валлерстайн. Особо следует упомянуть Роберта Пауэлла не только за его энтузиазм и вдохновляющую роль, но и за интеллектуальную поддержку, которую он оказывал нам все эти годы. Мы хотим особо поблагодарить Джеймса Алта за организацию четырехдневной «авторской» конференции в Центре фундаментальных исследований в социальных науках Гарвардского университета в январе 2003 г. Эта конференция не только побудила нас написать черновой текст, она также дала нам бесценную обратную связь, новую энергию и идеи. Роберт Бейтс предложил нам заменить слово «политические» на «экономические» в заглавии книги, а также предложил формат главы I. Григор Поп-Элеш рекомендовал использовать диаграммы для выражения основной сравнительной статистики этой книги и дал много детальных комментариев.

Вдобавок к идеям и комментариям этих людей мы получили много полезных советов от других участников дискуссий. В их числе Скотт Ашуэрт, Эрнесто Кальво, Альберто Диаз-Кайерос, Дэвид Эпштейн, Джон Хубер, Майкл Хискок, Торбен Иверсон, Шарин О'Халлоран, Джонатан Родден, Кеннет Шепсле и Андреа Виндиньи. Мы также получили полезные отзывы и предложения от студентов Беркли и Андского университета в Боготе, таких как Тейлор Боас, Маурисио Бенитез-Итурбе, Тад Даннинг, Леопольдо Фергюссон, Майя Яковски, Себастьян Мазукка и Пабло Керубин. Некоторые друзья и студенты также прочитали большие части рукописи и дали нам неоценимые замечания и отзывы: Александр Дебс, Тад Даннинг, Скотт Гелбах, Тарек Хассан, Рубен Хёпфер, Майкл Спагат, Хуан Фернандо Варгас, Тянкси Ванг и Пьер Яред. Мы также хотели бы поблагодарить Тимоти Бесли, Джоан Эстебан, Доминик Ливен, Дебрадж Рая, Стергиоса Скапердаса и Рагнара Торвика за их комментарии. Мы признательны также Эрнесто Кальво, снабдившему нас историческими данными по распределению доходов в Аргентине (глава III), и Питеру Линдерту за помощь с данными относительно неравенства в Великобритании. Александр Дебс, Леопольдо Фергюссон, Пабло Керубин и Пьер Яред также оказали неоценимую помощь в проведении исследования.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Пути политического развития

Чтобы понять, почему одни страны являются демократиями, в то время как другие — нет, полезно различать характерные пути развития политических институтов. Только некоторые из этих путей заканчиваются демократией (по крайней мере в данный момент времени). Эти стилизованные пути помогут нам ориентироваться в сложностях сравнений в реальном мире, и они иллюстрируют основные механизмы, которые, как мы полагаем, связывают экономическую и политическую структуры общества с политическими институтами.

Есть четыре основных пути политического развития. Во-первых, это путь, который постепенно, но неумолимо ведет от недемократии к демократии. Будучи однажды созданной, демократия никогда не подвергается угрозам, сохраняется и консолидируется. Великобритания является лучшим примером такого пути политического развития. Во-вторых, есть путь, ведущий к демократии, но при этом демократия, будучи созданной, быстро терпит крах. Вслед за этим те силы, которые привели к первоначальной демократизации, вновь утверждаются, но затем демократия снова терпит крах, и цикл повторяется. Этот путь, где демократия, возникнув, остается неконсолидированной, лучше всего иллюстрируется опытом Аргентины в XX в. Логично, что третий путь — это путь, при котором страна остается недемократической или демократизация сильно задерживается. Поскольку есть важные вариации в истоках такого пути, полезно разделить его на два. В первом случае демократия никогда не создается потому, что общество сравнительно эгалитарно и процветающе, что делает стабильным недемократическое политическое статус-кво. Системе не бросают вызов, так как люди достаточно довольны при существующих политических институтах. Сингапур — общество, чью политическую динамику мы характеризуем таким образом. Во втором случае из этих недемократических путей возникает противоположная ситуация. Общество отличается большим неравенством и эксплуатацией, это делает перспективу демократии настолько угрожающей для политических элит, что они используют все возможные средства, включая насилие и репрессии, чтобы избежать ее. Южная Африка до краха режима апартеида для нас является классическим примером такого пути.

В этой главе мы проиллюстрируем эти четыре пути и те механизмы, которые приводят общество на один из них, проанализировав политическую историю четырех стран. Мы рассматриваем динамику их политического развития, исследуя, почему она заканчивается консолидированной демократией в Великобритании, неконсолидированной демократией в Аргентине и устойчивой недемократией — хотя и в разных формах — в Сингапуре и Южной Африке. Это рассмотрение выявляет многие из факторов, которые, как покажет последующий анализ, являются решающими, определяя то, почему общество движется по одному пути, а не по другому.

1. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Возникновение демократии в Великобритании связано с учреждением регулярных парламентов, которые были форумом аристократии для обсуждения мер государственной политики и переговоров с королем по поводу налогов. Только после Славной революции 1688 г. парламенты стали собираться регулярно, но на основе очень узкого избирательного права. Членство в парламенте в то время основывалось на унаследованных феодальных представлениях о наличии в обществе различных «сословий». Ими были духовенство и аристократия, заседавшие в Палате лордов по праву, и третье сословие, заседавшее в Палате общин. Члены Палаты общин в принципе избирались, хотя с XVIII в. по середину XIX в. большинство выборов проходило на бесконкурентной основе, так что реального голосования по сути не было [Lang, 1999, p. 12]. Кандидаты обычно предлагались влиятельными лендлордами или аристократами и, поскольку голосование было не тайным, а открытым и легко наблюдаемым, большинство избирателей не осмеливались идти против их желаний [Namier, 1961, p. 83; Jennings, 1961, p. 81].

Тем не менее конституционные сдвиги, произошедшие после гражданской войны 1642–1651 гг. и Славной революции 1688 г., привели к существенным переменам в политических и экономических институтах, что имело важные последствия для будущего демократии [North, Thomas, 1973; North, Weingast, 1989; O'Brien, 1993; Acemoglu et al., 2005]. Эти перемены возникли из конфликта между намерением монархии Стюартов сохранить и расширить свою абсолютистскую власть и стремлением парламента ограничить ее. Парламент победил. Результатом стала перестройка политических институтов, существенно ограничившая властные полномочия монарха и, соответственно, усилившая полномочия парламента. Эти изменения в политических институтах привели к намного большей обеспеченности прав собственности, поскольку народ более не опасался хищничества со стороны государства. В частности,

они передали власть в руки парламента, где были представлены торговцы и землевладельцы, ориентированные на рыночные продажи. К концу XVIII в. в Великобритании начался устойчивый экономический рост.

Первым важным шагом к демократии в Британии был Акт о реформе 1832 г. Он устранил многие из худших несправедливостей старой избирательной системы, в частности, «гнилые местечки», где несколько членов парламента выбирались очень немногими избирателями. Реформа 1832 г. также ввела право голоса, устанавливаемое единообразно, на основе собственности и дохода.

Первый Акт о реформе был принят в условиях растущего народного недовольства существующим политическим статус-кво в Великобритании. С. Ланг отмечает:

...страх перед революцией, рассматриваемой как особый риск в силу роста новых индустриальных районов, не уменьшился, но возрос в годы после Ватерлоо, и правительство лорда Ливерпула (1821–1827) прибегло к политике жестких репрессий [Lang, 1999, p. 26].

К началу XIX в. промышленная революция была уже в полном разгаре и десятилетие перед 1832 г. ознаменовалось народным недовольством и постоянными бунтами. Заслуживают упоминания восстания луддитов в 1811–1816 гг., бунты в Спа Филдс в 1816 г., резня в Питерлоо в 1819 г. и восстания Свинга в 1830 г. (см. обзоры этих событий: [Darvall, 1934; Stevenson, 1979]). Другим катализатором реформ явилась Июльская революция 1830 г. в Париже. Среди историков сложился консенсус относительно мотива реформы 1832 г., он заключался в стремлении избежать общественных потрясений. Ланг заключает, что

уровень недовольства сыграл в пользу немедленной реформы, сейчас, а не позднее: было просто слишком опасно откладывать дальше. Так же как Веллингтон и Пил провели освобождение, чтобы избежать восстания в Ирландии, так и виги... должны были согласиться на реформу как меньшее из двух зол [Lang, 1999, p. 36].

Акт о реформе 1832 г. увеличил совокупный электорат с 492 700 человек до 806 тыс., что представляло собой около 14,5% взрослого мужского населения. Тем не менее большинство народа Британии голосовать не могло, а аристократия и крупные землевладельцы сохраняли существенные возможности для патронажа, так как 123 избирательных округа имели менее тысячи избирателей. Имеются также свидетельства продолжающейся коррупции и запугивания избирателей вплоть до второй половины XIX в., когда были приняты соответствующие законы — Акт о голосовании 1872 г. и Акт о коррупции и противозаконных действиях 1883 г. Таким образом, Акт о реформе 1832 г. не создал массовой демократии,

но был разработан как стратегическая уступка. Неудивительно, что вопрос о парламентской реформе оставался животрепещущим и после 1832 г. и поднимался в основном движением чартистов.

Энергия реформы в конце концов набрала силу в 1867 г., прежде всего благодаря сочетанию нескольких факторов. Среди них был резкий спад делового цикла, породивший большие экономические трудности и усиливший угрозу насилия. Также важным было основание Национального союза за реформы в 1864 г. и Лиги реформы в 1865 г., а беспорядки в Гайд-парке в июле 1866 г. стали главным катализатором. Дж. Серл утверждает, что

возбуждение в стране по поводу реформы явно сделало много для того, чтобы убедить министерство Дерби в том, что Билль о реформе должен стать законом в кратчайшие сроки [Searle, 1993, p. 225].

Эта интерпретация поддерживалась многими другими историками (см., например: [Trevelyan, 1937; Harrison, 1965]).

Второй Акт о реформе был принят в 1867 г. Совокупный электорат увеличился с 1,36 млн до 2,48 млн человек, и избиратели из рабочего класса стали большинством во всех городских избирательных округах. Электорат снова удвоился благодаря третьему Акту о реформе 1884 г., который распространил законодательные нормы о голосовании, уже существовавшие в городских избирательных округах, на графства (сельские избирательные округа). Акт о перераспределении 1885 г. убрал многие остававшиеся неравенства в распределении мест, и с этого момента в Великобритании существуют только одномандатные избирательные округа (ранее многие округа избирали двух членов парламента — двух кандидатов, получивших наибольшее количество голосов). И в этот раз, как представляется, общественные беспорядки были важным фактором в принятии Акта 1884 г. (см., например: [Hayes, 1982; Lang, 1999, p. 114]).

После Первой мировой войны Акт о представительстве народа 1918 г. дал право голоса всем взрослым мужчинам старше 21 года и тем женщинам старше 30, которые были налогоплательщиками или замужем за налогоплательщиками. И наконец, все женщины получили право голоса на равных условиях с мужчинами в 1928 г. Законодательные меры 1918 г. были предметом переговоров во время войны и, возможно, до некоторой степени отражают сделку между правительством и трудящимися классами, которые были нужны, чтобы воевать и производить вооружения. Дж. Гаррард тем не менее отмечает, что

большинство полагало, что для выживания системы и «преобладания удовлетворенности и стабильности» невозможно было отказать во всеобщем гражданском праве людям, которые, как считалось, так много страдали и уже знали революцию в России [Garrard, 2002, p. 69].

I. Пути политического развития

В целом, картина, возникающая из британской политической истории, ясна. Начиная с 1832 г., когда Великобританией правили сравнительно богатые, прежде всего сельская аристократия, на протяжении 86 лет делались стратегические уступки взрослым мужчинам. Эти уступки были нацелены на инкорпорирование ранее лишенных права голоса в политику, поскольку альтернативой виделись общественные волнения, хаос и, возможно, революция. Уступки были постепенными, потому что в 1832 г. социальный мир мог быть приобретен подкупом средних классов. Более того, эффект уступок был ослаблен из-за особенностей политических институтов, главным образом из-за сохранявшегося непредставительного характера Палаты лордов. Хотя и подвергнутая атаке во время реформ 1832 г., Палата лордов оставалась важным оплотом богатых против потенциала радикальных реформ, исходивших из демократизированной Палаты общин. Так продолжалось как минимум до Первой мировой войны, когда противостояние с либеральным правительством Герберта Асквита по поводу введения элементов государства всеобщего благосостояния привело к существенным ограничениям власти лордов. После 1832 г., когда рабочий класс реорганизовался в чартистском движении и, позднее, в профсоюзах, пришлось делать дальнейшие уступки. Первая мировая война и ее следствия окончательно закрепили последний шаг — введение полной демократии. Хотя давление лишенных права голоса оказало большее влияние на одни реформы, чем на другие, и иные факторы, несомненно, также сыграли в этом свою роль, угроза общественных волнений была движущей силой в создании демократии в Великобритании.

Возникновение британской демократии и ее последующая консолидация имели место в обществе, давно сбросившем почти все остатки средневековой организации и успешно отразившем угрозу абсолютизма. Они также проходили в условиях быстрой индустриализации, урбанизации, распространения фабричной системы, растущего неравенства и — в период отмены законов о зерне — быстрой глобализации экономики.

2. АРГЕНТИНА

Современная Республика Аргентина берет свое начало в 1810 г., когда была провозглашена ее независимость. Вслед за этим страна погрузилась в хаос гражданских войн и внутренних конфликтов по поводу структуры власти и политических институтов. Хаос в конце концов утих в 1860-е годы. В 1853 г. была написана новая конституция и в 1862 г. Бартоломе Митре был избран первым президентом объединенной республики. Митре начал создавать государство в благоприятных условиях

первого из нескольких бумов сельскохозяйственного экспорта, поддерживавших экономику Аргентины до 1930 г. Он создал государственную бюрократию, систему налогообложения и правовую систему, и в этот же период были заложены основы электоральной политики. Однако

избирательный закон 1853 г., целью которого было допустить участие народа в политическом процессе, с самого начала оказался обманом. Выборы неизменно были пародийным ритуалом, инсценированным и управляемым лакеями сильных, лишь с ничтожной долей участия электората [Rock, 1987, p. 129].

После Митре президентом стал Доминго Сармьенто, и вокруг него сформировалась партия, Партидо Аутономиста Насиональ (ПАН). Сменяющие друг друга президенты ПАН удерживали власть до 1916 г., манипулируя выборами. Однако они делали это в условиях нарастающего общественного недовольства. После 1889 г. сложилась действенная оппозиция в виде Унион Сивика, в июле 1890 г. поднявшая восстание против власти. После 1891 г. Унион Сивика Радикаль (радикалы) под руководством Иполито Иригойена поднимали восстания в 1893 и 1905 гг. Однако несмотря на сохранение режимов, основанных на контроле и принуждении электората,

аргентинские элиты стали осознавать все большее сходство между западноевропейскими обществами и их собственным, с растущими городами и появляющимися новыми общественными классами. Притягательность демократии основывалась на том, что она обещала политическую стабильность, ибо, при сохранении исключаящего [из участия в выборах] политического режима, страна рисковала повторить потрясения начала 1890-х годов [Ibid., p. 184–185].

В 1910 г. Роке Саенз Пенья, один из ведущих сторонников политической реформы, стал президентом. Как пишет Д. Рок:

...Радикалы, социалисты и, косвенно, анархисты помогли придать энергии движению за реформу в начале века. Прогрессисты среди элиты опасались растущей народной поддержки радикалов, задаваясь вопросом, откуда придет следующее восстание [Ibid., p. 188].

В 1912 г. был принят так называемый закон Саенза Пеньи, введший тайное голосование и запрещающий махинации на выборах. Всеобщее избирательное право для мужчин, впервые введенное конституцией 1853 г., наконец стало реальностью.

П. Смит [Smith, 1978, p. 10] утверждает, что реформа была «просчитанным маневром для спасения существующей системы из-за обеспокоенности волнениями рабочих и явной угрозы насилия».

После этих реформ, Иригойен был избран президентом в 1916 г.:

...Реформы также принесли неожиданные результаты. Саенз Пенья и его сторонники поддерживали избирательную реформу, полагая, что старые олигархические группировки приспособятся к новым условиям и объединятся в сильную консервативную партию, которая получит большую поддержку масс... вместо этого, усилия консерваторов по объединению постоянно проваливались [Rock, 1987, p. 190].

Вследствие этого радикальная партия стала доминировать в аргентинской политике, создавая серьезную угрозу традиционным интересам. В 1916 г. консерваторы получили 42% голосов избирателей, но к 1928 г. они скатились до 25%. Смит [Smith, 1978, p. 21] отмечает, что «эта ситуация резко контрастирует со Швецией и Великобританией... где традиционные элиты продолжали доминировать в системе после расширения избирательного права». В результате «к 1930 г. иригойенисты имели существенное представительство в верхней палате и угрожали получить полное большинство на предстоящих выборах» [Ibid., p. 12]. Таким образом, «политическая система стала представлять самостоятельную угрозу социально-экономической системе... Вполне понятно, что в свете своих прежних ожиданий консерваторы стали воспринимать демократию как нечто дисфункциональное» [Ibid., p. 15; Potter, 1981].

В сентябре 1930 г. Иригойен был смещен со своего поста военным переворотом, вслед за которым в 1931 г. последовали нечестные выборы. «Выборы 1931 г. вернули власть тем же группам (в широком смысле), что контролировали ее до 1916 г. — экспортерам из пампы и мелким землевладельцам провинций» [Rock, 1987, p. 217]. Далее в 1930-е годы консерваторы постоянно использовали махинации на выборах для сохранения власти, хотя к 1940 г. они пытались, до некоторой степени, инкорпорировать радикалов. Смена у власти консервативных администраций закончилась с военным переворотом 1943 г.

После переворота 1943 г. президентами становились военные; однако основной особенностью этого периода был подъем к власти Хуана Доминго Перона, первоначально как члена военной хунты и затем как избранного президента в 1946 г. Перон придал военному режиму более радикальную направленность в пользу рабочих и организовал политическую машину на основе государственного контроля над рабочим движением. Во время своего первого президентства Перон осуществил значительное увеличение заработной платы и социальных благ для рабочих. Его политика была направлена на перераспределение из сельскохозяйственного сектора в городской. В эти меры входила активная проиндустриальная политика протекционизма и импортозамещения [O'Donnell, 1978, p. 147]. Перон был переизбран в 1951 г., хотя выборы

были омрачены коррупцией и подавлением оппозиции, и затем отстранен от власти переворотом 1955 г. Между 1958 и 1966 гг. к власти возвратились гражданские правительства, жестко ограничиваемые военными, но только для того, чтобы быть сметенными новым переворотом в 1966 г. (классический анализ этих событий см.: [O'Donnell, 1973]).

В 1966 г. генерал Карлос Онганья стал президентом, но его режим вскоре столкнулся с направленной против него существенной социальной мобилизацией [Rock, 1987, p. 349]. М. Кавароззи [Cavarozzi, 1986, p. 36] отмечает важность «народного восстания 1969 г., которое объединило “белых” и “голубых воротничков”, студентов и городскую бедноту». За этим бунтом против диктатуры последовали иные, особенно в 1971 г.; он совпал с появлением нескольких вооруженных и партизанских группировок, стремящихся к свержению режима.

Демократия была воссоздана в 1973 г., когда Перон вернулся из ссылки и был избран президентом на первых подлинно демократических выборах после его избрания в 1946 г. Однако демократизация развязала те же конфликты по поводу распределения, что и ранее, и «как и в 1946 г., сутью его программы было перераспределение доходов в пользу рабочих, расширение занятости и возобновленные социальные реформы» [Rock, 1987, p. 361]. В 1976 г. перонистское правительство, возглавляемое после смерти Перона в 1974 г. его третьей женой Исабель, пало вследствие переворота, возглавленного генералом Хорхе Виделой. «Придя к власти, армия приступила к подавлению всякого остающегося сопротивления революции во власти, целью которой был полный демонтаж перонистского государства» [Ibid., p. 366]. Режим, продержавшийся до войны за Фолклендские (Мальвинские) острова 1982–1983 гг., был самым репрессивным в аргентинской истории. Десятки тысяч людей «исчезли» и многие тысячи были брошены в тюрьмы без суда, подверглись пыткам и изгнанию в ссылку. Генерал Роберто Виола сменил у власти Виделу в 1981 г., но в том же году был смещен генералом Леопольдо Гальтиери.

Так как военные все более чувствовали себя в осаде и народный протест против них возрастал, они предприняли злополучное вторжение на Фолклендские (Мальвинские) острова. Гальтиери ушел в отставку, когда аргентинские вооруженные силы сдались в июне 1982 г., и на следующий год демократические выборы привели к избранию президентом радикала Рауля Альфонсина. Аргентина снова стала демократией при Альфонсине, которого сменили на этом посту Карлос Менем в 1990 г., Фернандо де ла Руа в 2000 г. и — после озадачивающей череды временных президентов во время экономического кризиса 2001–2002 гг. — Нестор Киршнер в 2003 г.

Таким образом, политическая история Аргентины представляет необычную модель, когда демократия была создана в 1912 г., подорвана в

1930 г., воссоздана в 1946 г., подорвана в 1955 г., полностью воссоздана в 1973 г., подорвана в 1976 г. и окончательно восстановлена в 1983 г. В промежутках существовали различные виды недемократического правления, варьирующие от ограниченных демократий до чисто военных режимов. Политическая история Аргентины — история непрекращающейся нестабильности и конфликтов. Экономическое развитие, изменения в классовой структуре и быстро увеличивающееся неравенство вследствие экспортного бума с начала 1880-х годов совпали с давлением на традиционную политическую элиту в пользу «открытия» системы. Но природа аргентинского общества предопределяла нестабильность демократии. Традиционным интересам слишком сильно угрожал приход к власти радикалов, чьи интересы постоянно подрывали демократию. Экономические перемены 1930-х годов только усугубили этот конфликт. Рабочие стали сильнее и воинственнее, найдя лидера в Пероне, и конфликты по поводу распределения благ с тех пор встроились в борьбу перонистов и антиперонистов. Диктаторские режимы рушились вследствие социального протеста, а демократии терпели крах потому, что их радикальная, популистская и часто нереалистичная политика вызывала военные перевороты.

3. СИНГАПУР

Сэр Стамфорд Раффлз приобрел остров Сингапур для британской Ост-Индской компании у местного малайского правителя в 1819 г. [Turnbull, 1989; Huff, 1994; Milne, Mauzy, 1990; 2002]. В то время этот остров площадью 622 кв. мили, лежащий всего в 176 км к северу от экватора, был малонаселенным — всего лишь несколько сотен жителей. Вскоре он стал для Ост-Индской компании важным торговым портом и быстро развивался в качестве делового центра и перевалочного пункта. Эту роль он продолжал играть даже после краха Ост-Индской компании (Сингапур стал колонией британской короны в 1867 г. как часть колонии Стрейтс-Сеттлментс) и в еще большей степени в связи с британской колонизацией Малайского полуострова после 1870-х годов и развитием экспортно-ориентированной экономики в Малайе, основанной на таких товарах, как олово и каучук.

После Второй мировой войны и жестокой японской оккупации в Сингапуре, как и во многих других британских колониях, начавших стремиться к получению независимости, имело место политическое пробуждение. Первые выборы в законодательный совет были проведены в 1948 г. на основе очень ограниченного избирательного права; при этом большинство членов совета по-прежнему назначалось британским губернатором. Конец 1940-х и начало 1950-х годов ознаменовались вол-

нениями рабочих, забастовками и демонстрациями. В 1955 г. они вынудили Великобританию ввести новую конституцию, предложенную комиссией Ренделла, согласно которой большинство мест в законодательном совете должно было быть выборными, и лидер партии большинства становился главным министром. Однако за выборами 1955 г. последовали еще большие волнения и беспорядки, переговоры по поводу конституции возобновились, и новые выборы были запланированы на 1959 г., причем Сингапур получал почти полное внутреннее самоуправление. Было введено всеобщее избирательное право, и Партия народного действия (ПНД), возглавляемая Ли Куан Ю, получила 43 места из 51 на выборах 1959 г.

С самого начала ПНД энергично способствовала индустриализации. Ее стратегией, в частности, было приручение профсоюзов и создание послушной рабочей силы для привлечения международных корпораций. В 1959 г. она начала сокращать власть профсоюзов, что было окончательно достигнуто в 1967 и 1968 гг., когда все профсоюзы были поставлены под контроль правительства. Это сопровождалось созданием государственного органа — Национального конгресса профсоюзов и запретом забастовок. В то же время Ли Куан Ю и лидеры ПНД дистанцировались от более радикальных элементов партии. В результате в 1961 г. партия раскололась, и 13 членов ее парламентской фракции создали новую партию — Барисан Сосиалис (БС). ПНД оправилась от этой неудачи и еще до получения независимости начала демонстрировать искусство политического маневрирования:

...ПНД затем укрепила свою власть, проводя репрессии против БС и профсоюзов. Весьма впечатляющим образом незадолго до выборов в 1963 г. ПНД использовала полицейский спецназ для проведения массовых арестов под названием «операция “Холодный склад”», оставив БС без высшего руководства [Case, 2002, p. 86].

В результате чего на выборах 1963 г. ПНД получила 37 мест из 51, а БС — 13.

На этой начальной стадии ПНД рассматривала интеграцию с Малайей как часть своей стратегии экономического развития, поскольку она гарантировала обширный рынок сбыта для сингапурских фирм. В 1963 г. Малайя, Сингапур, Сабах и Саравак объединились в Федерацию Малайзии. Однако в 1965 г. Сингапур был из нее исключен вследствие трений между малайскими и китайскими политиками (например, Ли Куан Ю проводил избирательную кампанию в Куала-Лумпуре во время всеобщих выборов 1964 г. в Малайзии к ярости малайзийских политиков).

После установления республики в 1965 г. ПНД начала преследовать своих политических противников. Вследствие этого все члены БС отка-

зались от своих мест в парламенте и бойкотировали выборы 1968 г. При этом ПНД получила все 58 мест, хотя за 51 из них и не велось никакой борьбы. Она также получила все места в 1972, 1976 и 1980 гг., выступая против ряда оппозиционных партий, включая БС, вновь оспаривавших места в парламенте на выборах после 1972 г. Наконец, на дополнительных выборах 1981 г. членом парламента был избран первый оппозиционер с 1968 г. Второй был избран в 1984 г., и к 1991 г. их было четверо. Однако оппозиция выставляла кандидатов только для борьбы за меньшинство мест; поэтому ПНД всегда было гарантировано большинство в парламенте. В 1997 г. ПНД получила 82 места из 83. На выборах 2001 г. она завоевала 81 место. Чтобы избежать появления реальной оппозиции и усмирить стремления к какому-либо альтернативному представительству, ПНД ввела особые места в парламенте вне избирательных округов для тех проигравших на выборах членов оппозиции, которые получили наибольшее количество голосов. К 2001 г. было девять таких членов парламента. В 1990 г. Ли Куан Ю ушел в отставку с поста премьер-министра; его сменил Го Чок Тонг, а в 2004 г. — сын Ли Куан Ю, Ли Сянь Лун.

На протяжении всего этого периода ПНД расширяла свой контроль над обществом, особенно через контроль над средствами массовой информации. У. Кейс [Case, 2002, p. 89] показывает, что «занимающиеся политикой в Сингапуре рискуют столкнуться с внесением в черные списки, бойкотом, судебным преследованием, налоговыми расследованиями, утратой возможностей для ведения бизнеса и содержанием под стражей без суда». Чтобы сохранить свою власть и избежать потери мест в парламенте, ПНД в широком масштабе занимается нарезкой избирательных округов в свою пользу. Хотя первоначально избирательная система основывалась на одномандатных округах в британском стиле, теперь она представляет собой смесь одномандатных и многомандатных округов (называемых «округами группового представительства»). Г. Роден [Rodan, 1997, p. 178] отмечает, что «одномандатные округа, в которых оппозиционные кандидаты заметно приблизились к победе над кандидатами от ПНД на последних выборах, исчезли, обычно будучи поглощены округами группового представительства, где выставляются действующие члены парламента от ПНД».

Когда приходит время выборов, ПНД также откровенно угрожает электорату, чтобы повлиять на исход голосования. Роден указывает, что в 1997 г. избиратели

...были поставлены перед жестким выбором: вернуть в парламент кандидатов от власти и выиграть от новых дорогостоящих социальных программ или столкнуться с их отменой или задержкой в отместку за избрание противников ПНД. ...Особую озабоченность вызвали угро-

зы Го по поводу многомиллионной программы капитального ремонта жилья. Учитывая то, что около 86% сингапурцев живут в квартирах, построенных государством, электорат очень уязвим перед таким запугиванием. Объявление о новой системе подсчета голосов, позволяющей правительству проследить электоральные предпочтения вплоть до уровня округов в 5000 избирателей, подкрепило эту угрозу [Rodan, 1998, p. 179].

В силу малых размеров и колониальной истории Сингапура в нем нет аристократии — земельной или какой-либо иной, что важно для сингапурской политики. Уровень урбанизации острова — 100%, этнический состав населения — примерно 75% китайцев, 15% малайцев и 8% выходцев с субконтинента Индостан. До независимости в Сингапуре также отсутствовали крупные капиталисты или интересы бизнеса, а после получения независимости крупнейшими капиталистами в Сингапуре являются иностранцы, которым, как кажется, способствует ПНД за счет интересов местного бизнеса. Основанная профессионалами, получившими английское образование, и представителями среднего класса, ПНД рекрутирует своих политиков из таких профессионалов и государственных служащих, а не через членство в партии. На самом деле партия существует в основном как избирательный механизм; в иных случаях она действует через структуры власти, а не через какие-либо независимые низовые организации. В 1984 г. Ли Куан Ю сказал: «Я не приношу извинений за то, что ПНД — это Государство, а Государство — это ПНД» (цит. по: [Milne, Mauzy, 1990, p. 85]).

В целом, мы видим, что Сингапур шел к демократии и независимости, когда его граждане протестовали против британского колониального правления, но после 1963 г. ПНД установила однопартийную систему. С того времени экономика быстро росла, неравенство было низким, и ПНД удерживала власть относительно мягкими средствами, способствуя своей популярности с помощью ширококомасштабных социальных программ, но также прибегая и к угрозам и принуждению. Хотя практикуются запугивание и аресты, не было «исчезновений» и очевидно, что оппозиция правлению ПНД невелика, так же как и давление в пользу политических перемен.

4. ЮЖНАЯ АФРИКА

Начало европейского присутствия в Южной Африке датируется 1652 г., когда голландская Ост-Индская компания основала колонию в районе Столовой бухты. Целью было сельскохозяйственное производство для обеспечения провиантом кораблей компании, плывших вокруг мыса Доброй Надежды из Европы в Азию. Голландские поселения постепен-

но расширялись за счет коренного готтентотского населения, но к концу XVII в. распространялись только примерно на сотню миль вглубь материка. Стратегическое положение Капской колонии сделало ее важным призом в геополитическом соперничестве. Во время наполеоновских войн она была захвачена Великобританией, сначала в 1795 г. и затем — на этот раз окончательно — в 1806 г., и слилась с Британской империей.

Британцы, так же как и голландская Ост-Индская компания, первоначально не имели никаких планов относительно внутренних районов и были более озабочены безопасностью морских путей в Индию и Азию. Однако колониальная политика британцев оттолкнула многих голландских поселенцев, которые стали известны как «буры» или «африканеры». В ответ на нее буры в массовом масштабе двинулись во внутренние районы, основав Оранжевое Свободное Государство в 1854 г. и Трансвааль в 1860 г.

Британские власти придали формальную структуру политическим институтам Капской колонии в 1853 г., когда ими был учрежден двухпалатный парламент, который мог законодательствовать по вопросам внутренней политики (хотя Лондон мог наложить вето на его решения). Исполнительная ветвь власти состояла из должностных лиц, назначаемых колониальной администрацией. Избирательная система при выборах в законодательный орган не лишала население права голоса по расовому принципу, но вместо этого переняла британскую модель ограничений на основе собственности и доходов [Thompson, 1995, p. 65].

Политическое равновесие между Британской империей и бурскими республиками нарушилось в связи с открытием алмазов в Кимберли и золота в Уитвотерстренд в 1870-е годы. Трудовые отношения в этих регионах быстро приобрели характер того, что впоследствии стало известно как «апартеид», когда негры не могли искать алмазы, были принуждены носить пропуска для регулирования их трудовой мобильности, они не допускались к желаемым видам трудовой деятельности, которые закреплялись за белыми, и были вынуждены жить в сегрегированных сообществах и лагерях. Великобритания аннексировала алмазные поля в 1871 г., Трансвааль в 1877 г., а в 1879 г. нанесла окончательное поражение могущественному королевству зулусов. Однако Трансвааль поднял успешное восстание в 1881 г. и только после Англо-бурской войны 1899–1902 гг. британские власти завоевали все бурские республики. Британцы побуждали колонии к объединению и в 1910 г. Капская колония, Наталь, Оранжевое Свободное Государство и Трансвааль сформировали Южно-Африканский Союз.

Первое правительство Союза, руководимое Луисом Ботой и Яном Смутсом, постепенно начало усиливать многие из существенных неравенств южноафриканского общества. Кульминацией этого процесса

стало создание вполне развитого режима апартеида с избранием Национальной партии (НП) во главе с Д.Ф. Маланом в 1948 г. Например, в 1913 г. Акт о землях коренного населения запретил африканцам покупать землю за пределами «территорий коренного населения», т.е. резерваций, созданных для африканцев и в 1939 г. составлявших примерно 12% земель (африканцы в это время составляли 70% населения; см.: [Thompson, 1995, table 1, p. 278]).

В то же время с основанием Африканского национального конгресса (АНК) в 1912 г. начало формироваться организованное политическое сознание коренных африканцев. Сначала это было умеренное движение, организованное африканцами из среднего класса, но после Второй мировой войны АНК начал радикализироваться вследствие неудачи попыток либерализовать систему. В 1943 г. АНК принял заявление, названное «Требования африканцев в Южной Африке», впервые потребовав всеобщего избирательного права для взрослых.

После 1948 г. применение апартеида на практике достигло своего апогея, когда пост премьер-министра занимал Хендрик Фервурд между 1958 и 1966 гг. Правительство пыталось переселить всех африканцев в восемь (затем десять) хоумлендов, и только те африканцы, чей труд требовался для экономики белых, могли присутствовать на «европейских территориях». Они должны были носить с собой «пропуска», доказывающие, что они на законных основаниях находятся за пределами территорий племен.

Режим апартеида поддерживался с помощью массовых нарушений политических и гражданских прав. Правительство установило жесткий контроль над средствами массовой информации и имело монополию на радио- и телевидение. Полиции были даны широкие полномочия арестовывать людей без суда и держать их неограниченное время в одиночном заключении. Согласно Акту об общественной безопасности 1953 г. правительство могло объявлять чрезвычайное положение и править своими постановлениями.

На протяжении 1950-х годов АНК постоянно бросал вызов на улице и в судах политике Национальной партии. Во время одной из таких демонстраций в Шарпвилле вспыхнули беспорядки и полиция начала стрелять в толпу, убив 83 человека. После этого инцидента власти перешли к политике полного искоренения АНК и в 1964 г. Нельсон Мандела и другие члены высшего руководства движения были помещены в тюрьму на острове Роббен. Несмотря на то что значительная часть лидеров движения оказалась в южноафриканских тюрьмах или в ссылке, АНК оставался центром сопротивления режиму. НП и далее продавливала свою идею создания независимых хоумлендов (или «бантустанов»), гражданами которых были бы все африканцы. В 1976 г. Транскей и Бопу-

татсвана властями ЮАР были объявлены независимыми государствами (хотя их так никогда и не признало ни одно государство или международная организация).

В 1976 г. бунт в Соуэто, большом пригороде Йоханнесбурга, населенном африканцами, закончился убийством 575 человек [Thompson, 1995, p. 212–213]. Соуэто стало поворотной точкой. В 1960-е годы режим апартеида смог сокрушить руководство АНК, но

после восстания в Соуэто культура протеста распространилась на черное население Южной Африки. Студенты и рабочие, дети и взрослые, мужчины и женщины, образованные и необразованные стали участвовать в усилиях по освобождению страны от апартеида [Ibid., p. 228].

Режим апартеида не имел никакого выбора, кроме как пойти на некоторые уступки. Он немедленно объявил о прекращении создания хоумлендов. Однако как только беспорядки улеглись власти нарушили обещание, и два новых хоумленда были созданы в начале 1980-х годов. Более важным было то, что правительство перешло к легализации профсоюзов африканцев и в 1984 г. ввело новую конституцию, согласно которой индийцы и «цветные» получили свои собственные законодательные органы. Белые оставались в значительном большинстве в парламенте. После избрания президентом П.У. Боты в его кабинете был лишь один индеец и один «цветной», оба они были министрами без портфеля. После 1984 г. власти также устранили трудовые ограничения, запрещавшие африканцам заниматься теми или иными видами деятельности.

Тем не менее фундаментальная философия или структура апартеида оставалась неизменной. Поэтому уступки оказались недостаточными для того, чтобы предотвратить забастовки, бунты и волнения, становившиеся все более частыми. Например, в 1985 г. было 390 забастовок, в которых участвовали 240 тыс. рабочих, и 879 человек было убито в ходе политического насилия. Профсоюзы африканцев, легитимированные в качестве уступки после Соуэто, были на переднем фронте антиправительственной деятельности. В июне 1986 г. кабинет Боты ответил на эти события введением чрезвычайного положения и отправкой армии в поселки африканцев для восстановления порядка.

Ситуация для режима апартеида ухудшилась в октябре 1986 г., когда Соединенные Штаты ввели санкции. С середины 1980-х годов, видя нереалистичность сохранения существующих институтов, многие члены южноафриканской белой элиты начали делать попытки примирения с АНК и лидерами чернокожих. Хаос в промышленности, вызванный забастовками, наносил серьезный ущерб прибылям, и с конца 1970-х годов из Южной Африки шел непрерывный отток капитала [Wood, 2000,

Fig. 6.3, p. 154]. Видные белые бизнесмены встречались с представителями АНК в Лондоне и других местах, и сам Мандела был возвращен с острова Роббен и многократно участвовал в переговорах с членами администрации Боты:

...Как признавал Мандела, для осуществления мирного перехода нужно было найти способ примирить требование АНК о правлении большинства с «настойчивым требованием белых о структурных гарантиях того, что правление большинства не будет означать господства чернокожих над белым меньшинством» [Thompson, 1995, p. 244].

В феврале 1989 г. Л.В.У. де Клерк сменил П.В. Боту в качестве главы НП и в сентябре был избран президентом:

...Де Клерк... понимал, что нажим изнутри и извне подрывает «расовый порядок». Он заключил, что лучшей надеждой для его народа будет договориться об урегулировании с позиции силы, пока его правительство все еще является доминирующей силой в стране [Ibid.].

В начале 1990 г. он снял запрет на деятельность АНК и освободил Манделу из тюрьмы. Начались интенсивные переговоры о характере перехода от эры апартеида и типе общества, которое придет ему на смену. Переговоры по поводу конституции начались в декабре 1991 г. и НП предложила ряд мер, которые ослабили бы угрозу правления большинства чернокожих:

...Южная Африка должна была стать конфедерацией штатов с широкими и не подлежащими отмене полномочиями. Ее центральной исполнительной властью должна была стать коалиция с участием каждой партии, получившей значительное количество мест на выборах, руководство коалиции подлежало ротации между лидерами партий, и все решения должны были приниматься консенсусом или теми или иными видами квалифицированного большинства [Ibid., p. 248].

Такие положения оказались неприемлемы для АНК, и в июне 1992 г. переговоры были прерваны. В сентябре они возобновились, и к февралю 1993 г. был согласован график переходных мер, приуроченных к выборам в апреле 1994 г. Была достигнута договоренность о временной конституции, согласно которой в 1994 г. избрали первый парламент нового типа, наделенный обязанностью разработать постоянно действующую конституцию. Временная конституция содержала 34 базовых принципа и предписывала, что ни одна последующая поправка не будет юридически действительной, если будет им противоречить; так ли это, должно было определяться конституционным судом, назначенным президентом Манделой. Другие поправки требовали одобрения большинством в две

I. Пути политического развития

трети членов обеих палат парламента. Основной уступкой в пользу НП было то, что кабинет обязательно должен был быть коалиционным, и каждая партия, завоевавшая по меньшей мере 20 мест в национальной ассамблее, получала представительство в правительстве пропорционально количеству мест. АНК получил 62,7% голосов на выборах 1994 г.

С самого начала Южная Африка, как и многие колониальные общества, была обществом большого неравенства, как экономического, так и политического. В XX в. это наследство привело к установлению крайне недемократического государственного устройства, в котором лишь белым были предоставлены избирательные права. После Второй мировой войны африканцы начали успешно мобилизоваться против этого политического статус-кво и оказались способны осуществлять все возрастающий нажим, который сделал сохранение существующего режима апартеида нереалистичным и угрожал массовым восстанием. Попытки режима пойти на уступки, оставляя при этом систему фундаментально неизменной, не смогли достичь этой цели и режим апартеида сохранял власть, используя широкомасштабные репрессии и насилие. В 1994 г. режим был вынужден демократизироваться, чтобы не идти на риск, возможно, намного худших альтернатив.

5. ПОВЕСТКА ДНЯ

Мы рассмотрели четыре очень различных пути политического развития. Великобритания воплощает пример пути к консолидированной демократии без сколько-нибудь значительных шагов назад в ходе этого процесса. Аргентина иллюстрирует возможность перехода к неконсолидированной демократии, которая затем возвращается к недемократии и процесс потенциально может повторяться множество раз. Сингапур — это пример общества, в котором недемократический режим может сохраняться в течение длительного времени, делая сравнительно небольшие уступки, но также и без существенных репрессий. Южная Африка до падения апартеида — пример недемократического режима, сохраняющегося благодаря применению репрессий. Теперь мы предлагаем концептуальную структуру для понимания этих различных путей и разработки прогнозов о том, при каких условиях можно ожидать, что развитие пойдет по тому или иному пути.